

Глава 127. Торжественное прощание

— Мм... — Цзян Тан втянул голову в плечи и попытался уклониться, но на его затылок неизвестно когда легла рука, надёжно придержала его, и ему пришлось запрокинуть голову, принимая этот поцелуй.

Вместе с ним в его мир ворвалась неумелая, почти беспорядочная настойчивость — и густой винный запах. Его теснили всё глубже, так что у самого Цзян Тана поплыла голова, будто он тоже опьянел.

Ночной Гуанлин ещё не спал. В павильоне Цанхай, ярко освещённом из-за большого торжества, вдалеке всё ещё слышались крики гостей, уговаривавших друг друга выпить ещё, звон сталкивающихся чаш, поспешные, беспорядочные шаги служанок и учеников в коридорах, а с задней горы доносился шелест листвы и цветов, которых касался прохладный ночной ветер...

Там было так шумно и оживлённо, но Цзян Тану всё казалось, что эти звуки уходят всё дальше, а вокруг становится всё тише.

Стало так тихо, что он слышал только учащённое дыхание Фу Линцзюня и влажный, двусмысленный звук поцелуя, будто тревожащий даже лунный свет.

Он совсем не мог перевести дух. Казалось, Фу Линцзюнь забрал у него всё, и ему оставалось только тонуть в этом прекрасном, почти непостижимом ощущении и отвечать на его движения.

Каждый раз, когда он уже не выдерживал, тот заботливо отпускал его на одно мгновение. Но стоило Цзян Тану сделать пару глотков воздуха, как его шею снова мягко поддерживали снизу, заставляя подняться выше, и горячий поцелуй вновь падал на губы.

Рука на его затылке гладила шею. Подушечки пальцев легко скребли кожу, рождая одну волну дрожи за другой.

Потом эта рука медленно скользнула вниз вдоль спины, до самой талии. Руки обвили его, и в следующее мгновение его уже без всякого усилия подняли на руки.

Цзян Тана отпустили лишь на миг. Голова у него кружилась, пока Фу Линцзюнь нёс его к красному шёлковому пологу с вышитыми огненными фениксами.

Свечи вытягивали их тени, заставляя их переплетаться и смутно сливаться друг с другом.

Распахнутое окно с тихим скрипом захлопнулось, отрезая от них полную весеннего шума ночь за окном.

Но весна вновь расцвела уже внутри алого полога.

Хрупкий юноша оказался прижат к мягкому одеялу. Из-за движений, уже совсем не похожих на прежнюю сдержанную мягкость, слои ярко-красных свадебных покрывал сбились в беспорядке.

Огонь вспыхнул.

Это пламя, называвшееся желанием, разгоралось в каждой точке соприкосновения. От межбровья и переносицы оно спустилось к губам и подбородку, а потом стало медленно расползаться дальше.

Длинные пальцы замерли на плотно запахнутом вороте. Лёгкий рывок — и ослепительная белизна, тонкая и гладкая, как лучший белый фарфор, в свете свечей, просачивающемся сквозь красный полог, проступила с нежным румянцем.

Фу Линцзюнь отпустил его.

Частые, невесомые поцелуи скользнули от подбородка к шее, раз за разом касаясь влажной от пота кожи.

И наконец остановились на едва заметном кадыке юноши.

У Цзян Тана уже звенело в голове от нехватки воздуха. Он долго и тяжело дышал, прежде чем сумел хоть что-то сказать.

— Мм... Фу...

Протест едва успел сложиться в один слог, как на него вновь обрушился тяжёлый винный жар.

После стольких поцелуев Цзян Тан уже весь стал розовым.

Разве мог он когда-нибудь представить, что всегда безупречно сдержанный господин Юйань способен на такую необузданную дерзость?

Всё произошло слишком внезапно. Его застали врасплох. С той самой минуты, как он сидел у кровати на мягком кресле, его уже целовали так, что у него кружилась голова. А теперь, оказавшись внутри алого полога, он чувствовал себя так, будто его придавила целая гора. Руками не оттолкнуть, ногами не отпихнуть, всё тело сжалось от напряжения, а в душе смешались и растерянность, и стыд.

Но среди этой растерянности, стыда и слабого сопротивления поднималось и ещё что-то — неясное, жгучее желание.

Он любил Фу Линцзюня.

Ему нравилось быть рядом с ним, касаться его, обнимать его, целовать его. И, возможно, делать ещё более близкие вещи.

Поэтому его сопротивление мало-помалу превратилось в отклик. Он сам поднял руки и обвил ими шею Фу Линцзюня.

Алый полог мягко качнулся.

Свет свечей проникал внутрь. Переплетённые тени были туманными и смутными.

Сдержанный и благородный господин уже растрепал волосы. Нефритовая корона давно неведомо куда укатилась. Рассыпавшиеся чёрные пряди переплелись с волосами юноши, лежавшего под ним.

Пылкий красный и глубокий чёрный, смешавшись и перевернувшись друг с другом, словно стали чашей самого густого и пьянящего вина. За алым пологом они тянулись друг к другу, не в силах оторваться.

Они целовались, обнявшись, очень долго. И только после этого винный запах, пропитавший Фу Линцзюня, будто немного рассеялся.

Он снова отпустил Цзян Тана. Его глаза, полные скрытого желания, были темны, как тушь. Он долго и пристально смотрел на человека под ярко-красным свадебным покрывалом.

У Цзян Тана всё тело стало мягким, как вата. Ворот одежды неизвестно когда съехал, обнажив большой кусок кожи. И только когда он немного вынырнул из этого странного состояния, в котором всё было не так, как обычно, он в панике принялся подтягивать одежду.

И тут же неизбежно увидел на бледной коже цепочку ярко-алых следов, распустившихся, как сливы.

От этого он мгновенно протрезвел чуть сильнее.

Встретился глазами с Фу Линцзюнем — и протрезвел ещё немного.

Фу Линцзюнь смотрел на него не отрываясь. Красивый кадык на его шее едва заметно

перекатился. Он упирался руками по обе стороны от Цзян Тана, и от всего его тела исходила такая явная, такая сильная жажда, что под этим взглядом у Цзян Тана чуть не подогнулись колени.

Ещё немного — и он сам бы растаял от этой сладкой слабости.

— Не смотри... не смотри на меня... — голос получился мягкий, хриплый и такой чувственный, что самому Цзян Тану стало от него не по себе.

Он поспешно натянул одежду на грудь, пряча цепочку алых следов, а потом и вовсе закрыл лицо руками, лишь бы не встречаться взглядом с Фу Линцзюнем.

Но, прикрываясь, всё равно не удержался. Чуть раздвинул пальцы и украдкой посмотрел сквозь щёлочку.

Фу Линцзюнь улыбнулся. Сегодняшняя его улыбка будто тоже была вымочена в вине. От неё легко было опьянеть.

— Тебе очень идёт красный, — сказал он, позволяя смущённому Цзян Тану прятать лицо и притворяться страусом, и при этом совершенно серьёзно его хваля.

Особенно глаза — чуть хищные, чуть послушные, совсем как у кошки. Кожа юноши была словно тончайший белый фарфор, и в самом ярком красном он выглядел роскошно и пылко, как ветка бегонии в полном цвету. Смотреть хотелось ещё и ещё. Так и тянуло сорвать и присвоить.

Искренняя похвала уже сама по себе заставляет радоваться. А когда тебя хвалит человек, который смотрит так прямо, так откровенно и так искренне, в этой радости поднимается ещё и тёплая волна.

Цзян Тан весь сжался, точно маленькая варёная креветка. Из-под пальцев он украдкой взглянул на Фу Линцзюня и наконец опустил руки.

— Ты тоже красивый, — тихо, почти шёпотом, ответил он ему тем же.

И в ответ услышал низкий смешок Фу Линцзюня.

Этот смех прозвучал прямо у самого его уха и лёгким зудом проник внутрь. А в следующее мгновение Цзян Тана уже снова обняли.

На этот раз Фу Линцзюнь ничего не делал. Он просто молча прижимал его к себе, будто держал в руках мягкую подушку, с которой так хорошо спать.

Цзян Тан даже начал подозревать, не собирается ли Фу Линцзюнь и тут снова просто уснуть, обнимая его.

В конце концов он уже не раз задумывался, не превратился ли сам в какое-нибудь снотворное. Ведь в прежние времена их самое частое совместное занятие заключалось в том, что Фу Линцзюнь, пользуясь своей красотой как оружием, соблазнял его лечь с ним спать среди бела дня. Именно спать, в буквальном смысле.

Так они и обнимались довольно долго.

Спустя много времени Цзян Тан услышал, как Фу Линцзюнь сказал:

— Всё скоро закончится.

В голосе звучала тень пустой, тихой утраты.

Лишь тогда Цзян Тан по-настоящему осознал: этот прекрасный сон всё-таки подошёл к своему краю.

Пусть он изо всех сил дарил Фу Линцзюню красивую мечту.

Фу Линцзюнь в ответ тоже устроил пышный пир, чтобы проститься со всеми, кто его любил.

— Угу, — Цзян Тан крепче обнял его и ничего больше не сказал, только сильнее, ещё сильнее сжал руки.

Тот осколок души, который Цзян Тан всё это время хранил у себя, медленно выплыл из его объятий, словно маленькая яркая звезда, и завис между ними. Фу Линцзюнь не мог коснуться его напрямую. В мире зеркальных цветов и водяной луны прикоснуться к нему мог только Цзян Тан.

Цзян Тан попробовал несколько раз, но так и не смог вернуть эту искру в тело Фу Линцзюня. В конце концов он приложил её к собственному лбу, а затем сам мягко прижался лбом ко лбу Фу Линцзюня.

Закрыв глаза.

Почувствовал, как его душу обнимает мягкая сила.

Почувствовал, как соприкасается с другой душой.

Он не встретил никакого отторжения. Напротив, тот словно даже сам убрал все свои острые грани, позволяя Цзян Тану, неся эту искру, войти в его мир и понемногу, кусочек за кусочком, залатать расколотое небо.

На него не обрушились ни острые, ни буйные, ни болезненные, ни яростно-ненавидящие волны эмоций.

Цзян Тан ясно ощущал лишь одно: как спокоен и прекрасен сейчас внутренний мир Фу Линцзюня.

Постепенно перед его глазами начали проступать картины.

Все они принадлежали этому миру — самые глубокие и самые прекрасные его мгновения.

Он увидел, как Фу Линцзюнь в алом свадебном наряде присел перед Фу Чэнем на корточки, улыбнулся и погладил его по голове:

— Я очень рад увидеть, каким ты стал, когда немного подрос.

Фу Чэнь склонил голову набок. Во рту у него был тангао, и крошки налипли вокруг губ.

— Но ведь братик каждый год смотрит, как я расту?

— Да, — Фу Линцзюнь протянул руку и стёр крошки тангао у него с губ. — И всё равно рад.

Он увидел, как Фу Линцзюнь глубоко поклонился отцу:

— Отец, теперь я уже могу защитить и себя, и того, кого люблю. Будьте спокойны.

Фу Юэбай всё ещё торопился разыскать госпожу Фу, которая ушла, сердясь. От него пахло вином. Он похлопал сына по руке:

— О чём мне тут беспокоиться... Если устанешь пить, найди случай улизнуть и иди к Сяо Тану.

Он увидел и Фу Нина, который, пошатываясь, поднял в его сторону чашу, поздравляя с самой важной радостью его жизни.

Увидел и госпожу Хэ среди зрителей на обряде поклонения Небу. Она украдкой вытирала слёзы, но на лице у неё цвела счастливая, облегчённая улыбка...

Чем дольше Цзян Тан смотрел, тем легче становилась его душа. В конце концов ему показалось, что она и вовсе покидает это тело, медленно погружаясь в другой сон.

* * *

Область Цянькунь. Обитель Десяти Сторон.

Сян Син стоял у двери, преграждая путь всем заклинателям. В руке у него была толстая чёрная железная цепь.

— Но... разве, когда с Гуанлином тогда случилась беда, глава школы Сюэцзи и его заместитель, преследуя Фу Шэна, не были оба убиты им, хотя он сражался с ними, будучи на более низкой ступени?

Кто-то из заклинателей тихо пробормотал это, глядя на лицо Сян Сина, скрытое под маской. В сердце у него поднималось смутное беспокойство.

— У... убиты? — Сян Син слышал эти слова. Он повторил их с запинкой, и взгляд его на миг стал растерянным.

Ему показалось, будто в голове вспыхнуло что-то ещё, но, едва он попытался это уловить, оно тут же исчезло. На его место пришёл всё более сильный и густой запах хозяина.

— Хозяин.

Сян Син обернулся. Фу Линцзюнь, до этого лежавший без сознания в великой формации заточения Дао, уже медленно сел.

Двигался он чуть заторможенно, словно тело ещё не успело привыкнуть к пробуждению души. Но даже так он по привычке потянулся рукой к юноше рядом, желая обнять его и притянуть к себе.

Однако вместо юноши ему в руки попался пушистый белый комочек.

Похоже, тот спал очень крепко.

Слабая душа, никогда не проходившая культивации, насильно вторглась в мир зеркальных цветов и водяной луны и израсходовала куда больше силы, чем это тело могло вынести.

Фу Линцзюнь шевельнул пальцами, и золотисто-алое пламя феникса вылетело из кончиков его пальцев и скользнуло в тело маленького зверька.

Солнечный свет широким потоком вливался через распахнутую дверь.

Этот свет, который казался ему светом из другой жизни, заставил Фу Линцзюня слегка прищуриться. А в следующую секунду он ясно увидел за дверью плотную толпу собравшихся заклинателей.

Лицо у него сразу стало мрачным.

— П-почему он вдруг проснулся?

<http://bllate.org/book/17032/1723214>